

СТАТЬИ

Г. К. ЩЕННИКОВ

МЫСЛЬ О ЧЕЛОВЕКЕ И СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА У ДОСТОЕВСКОГО

Хотя исследователи признают доминирующую роль рационального начала в поэтике Достоевского,¹ философская мысль писателя еще плохо изучена как формообразующий фактор, как структурная основа композиции, характера, системы персонажей в его произведениях.

И пробел этот не случаен: ученых настораживает отвлеченный, религиозный характер многих суждений Достоевского о человеке. Недоверие к антропологии писателя идет от укоренившегося заблуждения, будто для Достоевского-философа важнее всего неизменность основных начал человеческой природы — априорных, сверхъестественных, «неисследимых законов человеческого духа». Однако даже в известных «итоговых» формулах писателя о «вечных свойствах» человека звучит убеждение в том, что сами свойства эти далеко не выявлены, не установлены, не исследованы наукой и искусством: «Ясно и понятно до очевидности<...> что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных...» (XII, 210); «Трудно представить себе, чтобы она (наука, — Г. Щ.) уже настолько знала природу человеческую, чтоб безошибочно установить новые законы общественного организма» (XI, 228). И в художественных произведениях Достоевского родовая природа человека никогда не берется как исходная точка отсчета, как некий сконструированный умозрительно эталон. Она искомое, проблема, объект исследова-

¹ См.: Мейлах Б. С. 1) Талант писателя и процессы творчества. Л., 1969, с. 189—304; 2) О художественном мышлении Достоевского. — Вопросы литературы, 1972, № 1, с. 89—104.

пия, который должен проясниться при соотнесении установок и мотивов человека с общественной системой. Достоевский часто говорит о «человеке вообще», но поскольку он не уверен, что знает человека, поскольку человек для него — всегда загадка, писатель стремится не к описанию, а к испытанию человеческой натуры, к определению соответствия между ее сегодняшними проявлениями и невоплощенными потребностями, в которых обнаруживается сущность человека.

А главное, субстанциональные свойства человека интересуют Достоевского как основа развития, становления личности. Достоевского постоянно занимают проблемы воспитания и перерождения человека, о чем убедительно свидетельствуют его письма, записные книжки, заметки о творческих замыслах. В переписке с друзьями писатель тщательно фиксирует малейшие симптомы того духовно-нравственного процесса, который он называет «законом поворота к национальности», т. е. сближения интеллигенции с народом, трактуя это явление с почвеннических позиций.

Достоевский не раз высказывает мысль, что развитие человека — следствие не одной внутренней борьбы с самим собой, но и результат тесного соприкосновения с жизнью. Писатель советует Н. Д. Суловой: «Не закупоривайте себя в исключительность, отдайтесь природе, отдайтесь внешнему миру и внешним вещам хоть немножко. *Жизнь внешняя, действительная развивает нашу человеческую природу чрезвычайно, она материал дает*» (курсив наш, — Г. Щ.) (П., I, 404).

Писатель, для которого внутреннее раздвоение было не только темой творчества, но и мукой собственной жизни, — при всем пристрастии к глубокой совести людей раздвоенных — не признает духовный разлад высшей ценностью, идеальным состоянием, а, напротив, и сам ищет выхода из неразрешимых противоречий мысли, хотя бы временного, и другим пытается указать на возможный спасительный исход, пусть «не всепримиряющий», но способный по крайней мере «дать пищу духу, утолить его жажду» (см. письмо к М. А. Поливановой от 16 августа 1880 г. — П., IV, 193).

В творческих планах Достоевского постоянно предусматривается развитие главных героев. Показательны, например, черновики к роману «Идиот». Как справедливо отмечают комментаторы подготовительных материалов к роману, Идиот первых планов, психологически близкий раскольниковскому типу, мыслился автором как «молодой экземпляр, формирующийся человек» (9, 166). Любовь его к Геро проходит три фазиса (9, 168). Герой, предваряющий Мышкина, — сын Дяди — признается, что он еще не человек, что он готовится быть человеком (9, 152). И наконец, князь Мышкин тоже задуман переживающим эволюцию, в которой решающее значение имело знакомство с Россией: «Россия действовала на него постепенно» (9, 242). Аналогичные указа-

ния на развитие героев можно найти и в рукописных редакциях других произведений Достоевского.

Разумеется, прав М. М. Бахтин: в завершённых произведениях Достоевского человек предстает целиком в настоящем времени, и эволюции героя — в смысле приобретения им каких-то новых качеств или становления мысли — не происходит. Однако замечания о развитии характеров в черновых вариантах свидетельствуют о том, что автор всегда учитывает исход, к которому должно привести изображаемое им «состояние колебания». Кризисные точки человеческой жизни, избираемые писателем, — это не только моменты сильнейших колебаний, это ситуации кануна решающих перемен. Достоевский, как правило, оставляет своего героя накануне радикального жизненного перелома, полной перестройки характера или разрушения его (последнее демонстрируется как самоубийство героя). Не изображая самих перемен в характере, писатель даёт их эмоциональное предвосхищение в финале (особенно в «Преступлении и наказании»² и «Братьях Карамазовых»), имеющее катарсический эффект.

Колебания героев Достоевского несводимы к борьбе «полярных начал» — гордыни и смирения. Начала эти часто сосуществуют в человеке Достоевского, не вступая в конфликтные отношения, лишь проявляясь в разных ситуациях. Конфликт же создаёт противоречие между самооценкой и характером как данностью, самосознанием и непосредственной жизнью человека.

Было бы ошибочным усматривать в этом конфликте лишь моралистическую заданность, сводить его к тощей антитезе «рассудок—натура» или «теория—жизнь». Достоевский не противопоставляет безоговорочно интуицию разуму.³ Борьба между рассудком и сердцем у героев Достоевского — это коллизия самосознания и самопроявления, имеющая разнообразные варианты. Например, при теоретически цельном самосознании человек обнаруживает противоречия в своем поведении, в нем точно два характера поочередно сменяются (Раскольников). А может быть и противоположное сочетание: поступки человека последовательны, однонаправленны, а при попытках осознать свою жизнь он испытывает неуверенность, колеблется (Соня Мармеладова).

Самосознание не просто удачный прием наиболее объективного изображения — автор придает ему философское значение, реализует через него свой взгляд на человека. Из всех видов человеческой деятельности Достоевский считал важнейшим труд по духовному преобразованию себя и окружающих. Поэтому человек изображается им как тип нравственно-психологической ори-

² О просветляющем воздействии финала «Преступления и наказания» убедительно писал И. М. Смоктуновский (см.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 11—12).

³ См.: Латынина А. Н. Достоевский и экзистенциализм. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. М., 1972, с. 256—257.

ентации. И в этом качестве он не исчерпывается самосознанием — «чистым голосом». М. М. Бахтин признает авторское организующее начало лишь в создании суверенного бытия мысли героев. По Бахтину, «логика самосознания» у Достоевского есть способ наиболее полного раскрытия человека, его выявления и самопостижения. Между тем у героев Достоевского мысль о себе часто опровергается логикой характера.

Идея героя формирует характер. В некоторых исследованиях последних лет зависимость характера от мысли трактуется как типобразующее явление, как то, что делает героев Достоевского социальными типами, придает им общественную репрезентативность.⁴ Суждение это справедливо. Но к нему надо добавить, что в творчестве Достоевского соответствие характера идее усиленно фиксируется самим героем, желающим видеть себя цельным человеком. Человек у Достоевского объясняет свои побуждения, руководствуясь определенным идеалом, и это самообъяснение настолько дорого ему, что других толкований он не допускает. А между тем его знание себя не охватывает собственный характер как данность, как выработанный жизнью склад мыслей и чувств. Самосознание как доминанта образа служит у Достоевского прежде всего выявлению разлада между «человеком для себя» и «человеком в себе».

Разлад этот, по мысли писателя, трагичен и вместе с тем целителен, так как является условием нравственного возрождения человека. Концепция эта формировалась у Достоевского на протяжении всего творческого пути. В первых произведениях она явилась обобщением социально-психологических противоречий. Самосознание Девушкина носило характер социально-нравственного самоутверждения: маленький человек становился личностью. Но по мере того как он все больше чувствовал себя человеком, все очевиднее выявлялся трагизм, безысходность его положения.

В зрелом творчестве писателя социальная трагедия личности осмыслена философски, связана с постоянным противодействием позитивистскому толкованию человека как функции среды — общественной и биологической. Достоевскому важно, чтобы человек осознал: характер зависит не только от внешних влияний и инстинктов (а именно эта зависимость чаще всего формулируется в идею фикс героя), но и от опыта внутренних реакций, от степени сознательности и свободы в поступках, от нравственных установок. Пафос раскрепощения личности от неосознанного и сознательного подчинения среде и инстинктам пронизывает всю антропологию Достоевского. Почти каждый герой его освобождается от ложного самосознания — во всяком случае абсолютно заблуждаться насчет себя не дано никому. И чем меньше в ге-

⁴ См.: Евнин Ф. И. Реализм Достоевского. — В кн.: Проблемы типологии русского реализма. М., 1969, с. 424—425.

рое инстинктивного, тем более он является свободным и вместе с тем острее сознает свою несвободу, так как всякая уступка обстоятельствам, в том числе и постыдная, совершается им сознательно. В высшей степени сознательная личность у Достоевского вообще не признает инстинктивного и все ставит себе в вину.

Самосознание как доминанта образа является лучшим средством изображения трагической структуры характера, формой, наиболее адекватной представлению о человеке — тайне: предельно открытый, откровенный, все объясняющий себе человек оказывается и самым непонятным, непроявленным, до конца загадочным существом — и этот парадокс восприятия провоцирует заинтересованное участие читателя в разгадке секретов человеческой природы, ставит самого читателя в позицию собеседника по отношению к герою. Постигание героем и читателем истины характера должно стать и постижением авторской философии общества. Авторское слово о мире включается в саму структуру суверенного самосознания героя.

Главной коллизии героя соответствует и типологическое деление персонажей Достоевского на рефлектирующих теоретиков и стихийно-деятельные натуры⁵ (идеологи Достоевского активнее всего в сфере мысли, их практические дела ничтожны в сравнении с могучей внутренней силой). Градация эта в известной мере близка тургеневскому разделению людей на два психологических «сверхтипа» — гамлетовский и донкихотский.

Классификация И. С. Тургенева, оказавшая заметное влияние на типологию характеров в русской литературе 1860-х годов,⁶ объективировала важнейшее и самое общее противоречие мыслящих людей и новой общественной формации, и нового этапа освободительной борьбы. Примечательно, что при попытках выделить коренные психические контрасты, характерные для разных типов времени, писатели-шестидесятники — каждый по-своему — признавали решающей коллизией противоречие между пониманием, осмыслением жизни и мотивами, пробуждающими непосредственную активность человека. Сам И. С. Тургенев стремился в герое-разночине обнаружить конфликт между донкихотскими и гамлетовскими чертами. И. А. Гончаров тщетно пытался изобразить нового деятеля, которому свойственно было бы «равновесие практических сторон с тонкими потребностями духа». Для Н. Г. Чернышевского самым главным в «новых людях» была гармония естественных эгоистических потребностей и разумного расчета. По словам Д. И. Писарева, мыслящие про-

⁵ См.: Щенников Г. К. К типологии характеров в романах Достоевского. — В кн.: Русская литература 1870—1890-х годов. Вып. 5. Свердловск, 1973, с. 3—38.

⁶ См.: Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974, с. 96.

летарии больше всего «дорожат прямыми и откровенными отношениями своего анализирующего и контролирующего я к тому я, которое действует и распоряжается внешними условиями жизни... Новый человек знает очень хорошо, как он неумолим и безжалостен к самому себе; новый человек боится самого себя больше, чем кого бы то ни было; он — сила, и горе ему, если когда-нибудь его сила обратится против него самого. Если он сделает такую гадость, которая произведет в нем внутренний разлад, то он знает, что от этого разлада не будет другого лекарства, кроме самоубийства или сумасшествия».⁷

Здесь в качестве состояния возможного, закономерного для мыслящего разночинца обрисовано такое, в каком обычно пребывают герои Достоевского.

Острое ощущение внутренней дисгармонии было типичным явлением социальной психологии разночинца в пореформенную эпоху, когда впервые в русской общественной жизни были открыты некоторые возможности для личной мысли и субъективной деятельности, когда на идеи и практику индивидуума возлагались слишком большие исторические надежды, а между тем новые, буржуазные отношения давали уродливое, антигуманное развитие тому и другому.

В то же время характерная для просветительства вера в человека в 1860-е годы, когда утверждались материализм и естественные науки, требовала объективного подкрепления. Встал вопрос о внутренних человеческих ресурсах, о духовных факторах, детерминирующих активную, творческую личность, способную к новым социальным отношениям; возникла потребность определить тип психической деятельности, который будет отвечать требованиям социально-исторического прогресса.

Интерес Достоевского к духовной дисгармонии человека порожден именно этой социальной потребностью, возник из веры в человека. Коллизия «разума и сердца» занимает его не как «вечное свойство» человека, а как источник его развития, возрождения. Именно в дисгармонии, а не в равновесии рассудка и побуждений (которое казалось ему выдумкой, казуистикой) видел он корни социальной активности.

И характерное для пореформенного поколения противоречие между теоретическим поиском и жизненной практикой было осмыслено Достоевским не как ситуация людей одной временной эпохи, одной общественной генерации, а как общий закон развития цивилизации. В заметке «Социализм и христианство»⁸ весь мировой исторический процесс объясняется писателем законами эволюции родового человека. Важнейший из них — отпадение личности от массы в «эпоху цивилизации»: это состояние болезненное, при котором человек «теряет источник живой жизни, не

⁷ Писарев Д. И. Соч. Т. 4. М., 1956, с. 20.

⁸ Лит. наследство. Т. 83. М., 1971, с. 246—250.

знает непосредственных ощущений и всё сознает». Путь возвращения личности в массу представлялся Достоевскому, очевидно, как итог взаимодействия живого опыта и развитого сознания. Вначале писатель утверждает, что человек возвращается в массу «не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно сильному, непобедимому ощущению, что это ужасно хорошо» (здесь сказалось антипросветительское недоверие к уму). Но затем Достоевский пишет, что возвращение личности в «естественное состояние» происходит «в высшей степени самовольно и сознательно».

Г. М. Фридлиндер уже отметил значение этой записи для эстетики Достоевского: она показывает, что писатель «тесно связывал основные законы развития искусства с законом исторической эволюции человечества» и признавал свой собственный тип творчества как исторически закономерный и актуальный.⁹ Но заметка эта помогает также понять и специфику художественного мышления Достоевского: писатель хотел постичь «законы общественного организма» через «законы духа человеческого», через «общегенетический рост» человека как социального существа. Достоевский был убежден: каждый человек может быть рассмотрен как представитель общественного сознания в целом — какой-то ступени современной «диалектики духа». Обращение Достоевского к вневременному, «вечному» в человеке служило познанию законов общественного развития, насколько отразились они в нормах человеческой психики.

В стремлении постичь историю через самосознание родового человека сказалось в определенной мере влияние немецкой философской мысли (прежде всего школы Гегеля) и традиции фурьеризма.¹⁰ Но здесь проявилась и особая чуткость писателя к эмоционально-психологической «окраске» народничества (в широком смысле) — идеологии, господствовавшей в среде разночинцев.

Все народничество как концепцию особого исторического пути России окрашивает вера во всемирно-историческое значение «социальных проб», совершившихся в стране в первые пореформенные десятилетия. Русский интеллигент-народник признавал себя человеком, проверяющим законы истории, вносящим важную поправку в представления об общечеловеческом развитии; освящал борьбу за социальные и национальные задачи общечеловеческими идеалами.

⁹ Фридлиндер Г. М. Эстетика Достоевского. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель, с. 106—118.

¹⁰ По Фурье, существует «закон всеобщей аналогии»: «Вселенная подобна богу, человек подобен вселенной, является зеркалом вселенной. Установленные богом законы социальной жизни людей можно и должно открыть, исходя из основных свойств природы человека, из его страстей...» (Волгин В. П. Система Фурье. — В кн.: Фурье Ш. Избр. соч. Т. I. М.—Л., 1951, с. 9—10).

Эта социальная психология и была той почвой, на которой взросло убеждение Достоевского, что пореформенная Россия — одна из кризисных точек человечества. Эсхатологизм Достоевского питался не предсказаниями «отцов церкви», а предчувствиями широких кругов русского общества, в той или иной степени разделявших народнические иллюзии.

«Позыв к общечеловечности» Достоевский считал не только национальной чертой русского народа, но и приметой времени — свойством, по-настоящему осознанным и получившим историческое значение в новую эпоху. Поэтому установка на изображение «общечеловека» в современнике сознавалась им как самый последовательный и глубокий реализм. Если теоретики «чистого искусства» трактовали общечеловеческое как антитезу актуального, «временного», то для Достоевского «сопричастность поэта с общечеловечностью» была чертой современного сознания русского человека. Именно поэтому Пушкин, сумевший так родственно откликнуться на все общечеловеческое, для Достоевского — самый современный поэт. И не только поэт: «Ведь это отчасти современный тип всего русского человека, по крайней мере в историческом и общечеловеческом стремлении его» (XIII, 92).

У Достоевского мысль о вневременном, даже опираясь на религиозную схему, обычно устремлена не к мистическим «прозрениям», а к социально-психологическим обобщениям.